

век»; «Этот камень сам плоты рулит, на него не налетишь, он водой плоты от себя отводит, вроде бы как сам их сплавляет». Знакомство с объектом подтвердило, что *Сплавщик* – метафора по функции. Такие метафоры часто используются на Чусовой для номинации камней, например: к. *Сосун* – «к себе лодки присасывает»; к. *Отмятыш* – «от себя плоты отмятывает». Сходство же камня с фигурой человека не подтвердилось.

Таким образом, маршрутная топонимическая съемка – один из факторов улучшения сбора топонимического материала. При активной форме опроса достигается полнота и улучшается качество записи топонимов. Описание реалий, их зарисовки и фотографии представляют большую ценность для исследователей топонимии. Эту форму сбора материала частично можно применять во всех экспедициях (например, съемка по дороге от деревни к деревне). Для составления словаря топонимов реки это наиболее приемлемая форма работы.

Н.В. Кабинина

ПРОМЫСЛОВАЯ ЛЕКСИКА В ТОПОНИМИИ ДЕЛЬТЫ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ

Двинские устья – пограничье материка и моря – представляют собой сложнейшую систему сотен островов и протоков, образовавшуюся при выходе Северной Двины в Двинский залив. Географическое положение и природные условия этого региона издавна сделали его притягательным для людей, основным занятием которых было рыболовство и промысел морского зверя. Одним из свидетельств этого является топонимия двинских устьев – как собственно русская, так и созданная дорусским (финно-угорским) населением и переданная из поколения в поколение сообществом архангельских поморов, сформировавшимся на основе различных этнических групп в течение многих столетий.

Топонимия региона прямо или опосредованно отражает различные стороны промысловой деятельности создавшего ее населения. Так, собственно русские названия указывают чаще всего либо на сам характер деятельности (*Рыболовя Курья*, зал.; *Рыбаки*, д.; *Ловча*, р.; *Ловчая Кошка*, о-в), либо на вид рыбы или зверя, характеризующий то или иное угодье: *Ершовец*, руч.; *Камбалица*, реч. зал.; *Камбалка*, реч. зал.; *Карасевы*, оз.; *Окунево*, оз.; *Сиговка*, реч. зал.; *Сорожница*, реч. зал.; *Нерпичьи*, о-ва; *Заячьи Острова*, ур.; *Зайчиха*, тоня (ср. *заяц морской* ‘один из видов тюленя в Белом море’ [Подвысоцкий, 55]), *Лысунов*, о-в (ср. *лысун* ‘мелкий морской зверь или тюлень вообще’ [Даль, 2, 277]). Отражение в топонимии относительно небольшого региона столь подробной дифференциации видов рыбы и зверя, нехарактерное для материковых территорий, объясняется многовековым приоритетом морского промысла как вида деятельности, жизненной значимостью промысловых зон, вследствие чего подобные названия несут как ориентирующую, так и ценностную информацию. Кроме того, наличие в двинских устьях большого числа островов и речных заливов («кутовых речек», как называют их местные жители) обуславливает такую дифференциацию с фактической стороны: различные по микроусловиям речные заливы и острова нередко становятся излюбленным местом обитания определенных видов рыбы и морского зверя.

В топонимии двинских устьев, отраженной письменными источниками XIV–XVII вв., засвидетельствованы также исконно русские названия, созданные на основе терминов, обозначающих рыболовные угодья: *Левкова Вода*, *Олексина Вода* (ср. *вода* ‘речной, озерный или морской участок для рыбной ловли, а также пай в рыбной тоне’ [Подвысоцкий, 19]), *Большие Метища*, *Малые Метища*, ур. (ср. *метище* ‘специальное водное угодье, где ставили сети для ловли толеней или подледного лова рыбы’ [СлРЯ XI–XVII вв., 9, 27]), *Морское Сгодье* (ср. *сгодье* ‘всякое земледельческое и промысловое угодье и устройство’ [Подвысоцкий, 55]). К этой же группе, вероятно, относятся и названия, созданные на основе термина *кол* (*Верхний Кол*, *Нижний Кол*, *Ермолиных Кол* и др.): при исходном значении ‘заграждение для рыбной ловли’ слово приобрело также значение ‘участок, рыболовное угодье’, на что указывает многочисленность топонимов и их отнесенность к значительным по размеру водным пространствам.

В отличие от собственно русской топонимии, названия финно-угорского происхождения характеризуют специфику промысловой деятельности более детально: через прямое указание на способ ловли или виды используемых снастей. Так, учитывая известное явление передачи приб.-фин. *y* ~ рус. *ы*, название острова *Пырас* можно связывать с фин. *pyrri*, *pyrrä*, карел. *pyrri* ‘мережа’ [SKES, 672] – ср. параллельное русское название этого острова *Ловчая Кошка*. Название речного залива и тони *Рахкурья*, связано, вероятно, с фин. *rahe* ‘сеть, невод для подледного лова рыбы’, *rahoa* ‘тянуть невод подо льдом’, ливв. *rahe* ‘подледный невод; подледный лов’, *rahuo* ‘тянуть невод подо льдом’, карел. *rahe*, саам. *ra eo* ‘ловить рыбу подледным неводом’ [SKES, 712].

Подобное отражение рыболовецкой терминологии можно усматривать и в названии мыса *Чиглоним*, хотя этимологически оно менее прозрачно. Основа топонима находит соответствия только с прибалтийско-финскими апеллятивами с начальным фрикативным: фин. *siula* ‘крыло невода’, карел. *šikla*, *šigla*, *šigna*, *sikla*, ливв. *siglu*, *siglu*, *šiglu* ‘передняя часть невода; крылья невода’, люд. *sigl* ‘крыло невода’ [SKES, 1048–1049]. Не исключено, что в языке-источнике, не сохранившемся до наших дней, основа *чигл-* могла иметь географическую семантику, развившуюся в результате метафоры (например, *крыло невода* → *угол*), однако вполне вероятно и прямая связь названия с приведенными рыболовецкими терминами: в частности, по историческим документам известно, что вблизи мыса находилось несколько тонь.

Разумеется, топонимия финно-угорского происхождения отражает промысловую деятельность и с других сторон. Так, общее указание на занятия рыболовством содержит название мыса *Лясомин*, интерпретируемое на основе вепс. *lassam* ‘тоня, место рыбной ловли закидным неводом’ [СВЯ, 278] (прилегающее к мысу водное пространство – один из немногих участков дельты, где рыболовный промысел в больших масштабах ведется до сих пор). Характерны для топонимии финно-угорского происхождения и «рыбные» названия водных объектов. В частности, А.К. Матвеевым отмечена связь названия реки *Маймакса* с фин. *taima*, *taimo* ‘маленькая рыбка’, карел. *taima* ‘наживка (рыбка или червяк)’, ливв. *taimi* ‘маленькая рыбка; наживка’¹. В этом названии могли отразиться как признак наличия мелкой рыбы, так и – подобно названиям, рассмотренным выше, – способ ловли на живца, широко используемый жителями региона и в наши дни. Допускает «рыбную» интерпретацию название речного залива *Лохнала*: ср. фин., ливв. *lohi*, люд., вепс. *lohi* ‘лосось, семга’ [SKES, 300]. Интересно название речного залива *Кумчукурья*, засвидетельствованное в исторических документах XVII в. В варианте *кумч-* основа топонима на Русском Севере пока нигде более не зафиксирована, но может быть

¹ См.: Матвеев А.К. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории севера европейской части СССР: Дис. ...д-ра филол. наук. Свердловск, 1970. С. 373. См. также: [SKES, 327].

соотнесена с высокопродуктивной топоосновой *кумс-* / *кумз-* / *куми-* / *кумж-*, связанной с фин. *kumsi* 'один из видов форели', карел. *kumprši* 'небольшой озерный лосось; малек лосося' [SKES, 238]. Аффриката на месте приб.-фин. свистящего или шипящего – черта саамского языка, ср. саам. *givsse* 'таймень', *kivse* 'форель' [SKES, 238]. Таким образом, как и в случае с названием *Чиглоним*, топоним *Кумчукурья* следует считать принадлежащим неизвестному ныне финно-угорскому языку, совмещающему прибалтийско-финские и саамские черты, однако «ихтиологическое» значение названия вполне очевидно.

Топонимия финно-угорского происхождения, в отличие от исконно русской топонимии, отражает главным образом лексику, связанную с рыболовством. Названия, указывающие на промысел морского зверя, не дошли до наших дней, а возможно, и не существовали. С долей сомнения к таким топонимам можно отнести лишь название речного залива *Янкурья*, ср. фин. *jänö*, карел. *jänö*, ливв. *jänöi*, люд. *jänizz*, вепс. *jänjo* 'заяц' [SKES, 130]. В силу географического положения залива маловероятна связь названия с лесным зайцем: возможно, в языке-источнике, как и в русском языке (см. выше), на приморской территории у этого слова развилось значение 'тюлень, морской зверь' («морской заяц»). Заманчиво было бы связать с промысловой лексикой название ур. *Херпинское*, ср. фин. *herppa* 'разновидность тюленя', однако исследователи прибалтийско-финской топонимии связывают основу *херп-* с архаичным финским антропонимом *Herppa* (< фин. *herppa* 'тюлень' или вепс. *hörpotada* 'болтать, молоть языком')¹. В нашем случае антропонимическая версия более вероятна, поскольку, как свидетельствуют исторические источники, на месте урочища некогда находилась деревня.

Как можно предполагать, в названиях, зафиксированных на территории двинских устьев, отражены многие характерные для всего Архангельского Поморья закономерности топонимического функционирования промысловой терминологии, хотя этот вопрос, безусловно, требует дальнейшего изучения.

Ю.Б. Воронцова

К ВОПРОСУ О НОМИНАТИВНОЙ ДИСТРИБУЦИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРОЗВИЩ РУССКОГО СЕВЕРА

В ходе ономазиологических исследований иногда наблюдаются такие ситуации, когда осваиваемые в ходе номинации объекты действительности неравномерно отражаются на номинативной карте, т.е. соотношение объектного и языкового рядов можно охарактеризовать как асимметричное (объектный ряд потенциально может полностью коррелировать с языковым, когда каждому объекту действительности присваивается свое имя; в реальной ситуации языковой ряд содержит обширные лакуны). В таких случаях можно говорить о своеобразной номинативной дистрибуции, под которой следует понимать особенности распределения объектов номинации в рамках определенного номинативного пространства. Задача настоящей статьи – представить анализ механизмов номинативной дистрибуции коллективных прозвищ на территории Русского Севера (Архангельская и Вологодская области) [далее РС]. В качестве материала для исследования были использованы полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета.

¹ См. об этом: Муллонен И.И. О вепсской антропонимии (опыт топонимической реконструкции) // Советское финно-угроведение. 1988. № 4. С. 271–283.